

ЯЗЫКОВОЕ И КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»: 10 ШАГОВ К ПОКОРЕНИЮ СЛОЖНЫХ ТЕКСТОВ (ЧАСТЬ 1)*

MARINA YU. SIDOROVA

LINGUISTIC AND COGNITIVE DEVELOPMENT OF STUDENTS WITHIN THE COURSE OF RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH
CULTURE: 10 STEPS TO MASTERING COMPLEX TEXTS (PART 1)

Марина Юрьевна Сидорова

доктор филологических наук, доцент

► sidorovadoma@mail.ru

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва,
Ленинские горы, 1

Marina Yu. Sidorova

Doctor in Philology, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991,
Russian Federation

В статье демонстрируется и обосновывается методика языкового и когнитивного развития студентов в курсе «Русский язык и культура речи», нацеленная на взаимосвязанное формирование трех необходимых групп компетенций: 1) соотнесение текста с вербализованным в нем фрагментом действительности; 2) работа с текстами уровня сложности, возрастающего при достижении совершеннолетия и переходе к высшему профессиональному образованию (включая не только лингвистическую, но и психологическую готовность к восприятию таких текстов); 3) готовность к реализации прав и обязанностей гражданина РФ, круг которых также растет по мере взросления обучаемых. Ущербность этих компетенций, не формируемых на этапе среднего образования, служит, по нашему мнению, основным препятствием к успешному обучению в вузе и самореализации студенческой молодежи в современном обществе. В качестве решения проблемы предлагаются 10 методических шагов (каждый из них проиллюстрирован на примере конкретного задания или заданий), позволяющих преодолеть лингвистические и психологические барьеры освоения сложных текстов. Мотивация учащихся обеспечивается актуальностью и разнообразием анализируемых текстов (от материалов экзамена в ГИБДД до лирической поэзии) и соблюдением диалектического принципа движения по спирали, от простого к сложному, с возвращением к уже изученному материалу на очередном «витке» развития. Достоинством предлагаемого подхода является возможность «подверстать» к указанным трем направлениям формирования компетенций все традиционные и необходимые в курсе русского языка и культуры речи виды деятельности (работа со словарем, групповая дискуссия и т. п.). Из трех параметров сложности текста (синтаксическая, лексическая, коммуникативная) основное внимание в статье уделяется первому. Оригинальная методика автора, основанная на функционально-коммуникативной грамматике русского языка и данных современной психолингвистики, успешно апробирована на различных факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова и реализована в учебном пособии «Трудных текстов больше нет».

Ключевые слова: русский язык, культура речи, сложность текста, высшее образование, методика.

The article demonstrates and substantiates the methodology of linguistic and cognitive development of students in the course “Russian language and culture of speech”, aimed at the

* Начало. Окончание (часть 2) в Мире русского слова № 3 за 2024 г. Статья публикуется в авторской редакции.

interrelated formation of three necessary groups of competencies: 1) correlation of the text with the fragment of reality verbalized in it; 2) work with texts of a level of complexity that increases upon reaching adulthood and transition to higher professional education (including not only linguistic, but also psychological readiness to perceive such texts); 3) readiness to realize the rights and obligations of a citizen of the Russian Federation, the range of which is also growing as the trainees grow up. The inadequacy of these competencies, which are not formed at the stage of secondary education, serves, in our opinion, as the main obstacle to successful university education and self-realization of students in modern society. As a solution to the problem, 10 methodological steps are proposed (each of them is illustrated by an example of a specific task or tasks), allowing to overcome linguistic and psychological barriers to mastering complex texts. The motivation of students is provided by the relevance and diversity of the analyzed texts (from the materials of the traffic police exam to lyrical poetry) and compliance with the dialectical principle of movement in a spiral, from simple to complex, with a return to the already studied material at the next “round” of development. The advantage of the proposed approach is the ability to “adjust” to the specified three areas of competence formation all traditional and necessary activities in the course of the Russian language and culture of speech (working with a dictionary, group discussion, etc.). Of the three parameters of text complexity (syntactic, lexical, communicative), the main attention in the article is paid to the first. The author’s original methodology, based on the functional and communicative grammar of the Russian language and the data of modern psycholinguistics, has been successfully tested at various faculties of Lomonosov Moscow State University and implemented in the textbook “There are no more difficult texts”.

Keywords: Russian language, speech culture, text complexity, higher education, teaching methods.

Введение. Общая характеристика проблемы и обоснование способа ее решения

Центральной частью курса «Русский язык и культура речи» для всех направлений подготовки студентов должно быть изучение русского языка как инструмента реализации прав и обязанностей гражданина РФ. Эта задача, формулировка которой выглядит на первый взгляд «насквозь социальной», на самом деле связана с формированием важнейших когнитивных механизмов и связей, определяющих всю жизнь человека и его способность к развитию и самореализации.

Одна из типичных проблем современного выпускника школы — неспособность соотносить словесный текст и фрагмент мира, который он репрезентирует. Как показывают исследования,

у школьников эта неспособность проявляется на самом элементарном уровне. При тестировании учащихся московских школ выяснилось, что многие из них решают текстовые математические задачи, не пытаясь представить себе ситуацию, стоящую за текстом: «Так, например, в задаче “В четырех одинаковых ведрах и трех одинаковых бидонах 72 л молока. Сколько молока в ведре, если в бидоне 8 л молока?” ответ “9 л” выбрали 36 % пятиклассников (из более чем 5300), т. е. каждый третий ученик вообще не понял условия, а просто разделил 72 на 8. Правильный же ответ этой задачи был выбран лишь 41 % тестируемых. Задача: “В пакет входит 0,8 кг конфет. Сколько потребуется пакетов для того, чтобы разложить 9,8 кг конфет?”, как и предполагается, решается учениками пятого класса действием деления. При этом ответ «12,25 пакета» выбирают 50 % (из 500 тестируемых), “27,84 пакета” — 15 %, и только 19 % выбрали правильный ответ» [Серегин 2012].

С возрастом эта проблема усугубляется, поскольку по мере взросления человека растет круг его прав и обязанностей, становятся более разнообразными и сложными его отношения с государством, с другими физическими и юридическими лицами. Эти отношения зафиксированы в законах и других нормативных актах, написанных достаточно сложным языком и содержащих много юридических тонкостей. Кроме того, с расширением круга своих прав и обязанностей человек все чаще встречается с необходимостью их защиты и уточнения, общения с другими людьми, представителями власти и различных организаций по этому поводу. Уже просто для получения ответа на свое обращение, отправленное в какую-нибудь электронную приемную, требуется высокая языковая компетенция. Умение четко изложить и обосновать свою точку зрения, понять и проанализировать позицию оппонента подразумевает владение языком на гораздо более высоком уровне, чем достаточно несовершеннолетнему, за которого все вопросы решали родители; возрастают количество и сложность документов, которые человек должен читать, писать и заполнять, усложняются и требования ситуаций общения, в которых вчерашний ребенок действует самостоятельно.

Преподаватель русского языка и культуры речи должен хорошо знать, в каком возрасте какие новые права и обязанности появляются у его студентов, чтобы реагировать на возникающие у них новые коммуникативные запросы не постфактум, а с упреждением. Так, согласно Гражданскому кодексу РФ, начиная с 18 лет можно самостоятельно заключать договоры, обращаться в государственные органы, отстаивать свои права в суде, платить налоги, регистрироваться по месту жительства и многое другое. С 18 лет можно голосовать на выборах, быть кандидатом в депутаты муниципального образования, участвовать в референдумах. Значит, надо читать выборные программы и разбираться в том, как подается информация соперничающих кандидатов в дебатах, агитационных материалах, СМИ и социальных сетях.

Лица в возрасте старше 15 лет могут самостоятельно давать информированное согласие на медицинское вмешательство или отказываться от него (за исключением некоторых случаев). Это согласие называется информированным, поскольку врач обязан в доступной для пациента форме проинформировать его о намеченных процедурах, манипуляциях, о действии лекарственных препаратов, требованиях к поведению больного, шансах на успешное лечение и рисках, а также ответить на вопросы пациента. Получение такой информации требует и от врача, и от пациента хороших речевых навыков. Пациент должен уметь определить, что ему понятно, а что нет, и правильно сформулировать вопросы к врачу. До 15 лет — это обязанность мамы и папы, после 15 лет ребенок, еще не будучи совершеннолетним, имеет право самостоятельно вести этот диалог и принимать решение.

В 18 лет наступает полная гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Давать объяснения и показания по всем случаям правонарушений теперь придется самим. Это опять же подразумевает умение читать юридический текст, составлять документ с соблюдением установленного формуляра, задавать вопросы и отвечать на них, отстаивать свою точку зрения.

Право на управление транспортными средствами предоставляется с 16 лет на легкие мотоциклы и мопеды, с 18 лет — на мотоциклы, легковые

и грузовые автомобили, с 21 года — на автобусы. На каждую категорию транспортных средств нужно сдавать отдельный экзамен, условия которого описаны в специальном регламенте.

Кто же должен готовить молодого человека к решению разнообразных коммуникативных задач нового уровня сложности? Школа эту задачу не выполняет. Сама по себе такая компетенция не сформируется. Должен ли студент вуза быть оставлен один на один с этими трудностями? Очевидно, что нет. Эту работу со студентами всех направлений подготовки должны взять на себя преподаватели «Русского языка и культуры речи» и других языковых дисциплин, поскольку только они обладают необходимыми знаниями и опытом, прежде всего в области работы с текстом. Эта работа включает:

- 1) выявление видов синтаксической, лексической и коммуникативной сложности текста, а также факторов, определяющих сложность текста, и ознакомление студентов с этой теоретической базой;
- 2) формирование у студентов навыков анализа сложных текстов (например, для синтаксически сложных текстов это субъективный, предикатный анализ и анализ отношений, для лексически сложных текстов — определение значения слова по контексту и т. п.);
- 3) развитие у студентов когнитивных способностей, позволяющих справляться со сложными текстами (внимание, упреждающий синтез, ингибиторный контроль, социальная когниция и под.);
- 4) воспитание у студентов полезных «привычек» и моделей поведения по отношению к тексту (соотнесение текста и фрагмента действительности, представленного в нем; использование словарей и других источников для проверки фактов; использование разных видов вопросов — от проверяющих понимание до вскрывающих манипулятивные приемы).

Объем статьи позволяет сосредоточиться только на синтаксической сложности текста и представить 10 последовательных методических шагов в области работы с нею, которые видятся

нам актуальными в современной коммуникативной среде и в условиях перехода к новой системе высшего образования. Если эти шаги делаются с первого занятия по «Русскому языку и культуре речи» (параллельно с работой над лексической и коммуникативной сложностью текста, которые упоминаются нами здесь лишь попутно), то, как показывает апробация нашего пособия «Трудных текстов больше нет» [Сидорова 2024] на различных факультетах МГУ, студенты за один семестр существенно повышают свою способность справляться со сложными текстами. При этом стабильно сохраняется мотивация к занятиям и развиваются полезные личные качества, такие, как упорство, целеустремленность, сосредоточенность, а страх перед длинным и сложным текстом и «психологический блок» на его восприятие постепенно уходят. Студент становится способен воспринимать учебный текст длиной более трех страниц и получать информацию не только из видеоматериалов и презентаций, но и из учебников и других печатных источников, что, по свидетельству коллег-естественников, на сегодня является редкостью.

Кроме того, у студента формируются позитивные модели коммуникативного поведения и развивается социальная когниция, которая также обычно страдает на этапе перехода из школы в вуз у современного молодого поколения.

Предлагаемая нами методика рекомендуется для 1 курса. Изложение ее далее дается на том уровне, на котором теоретические знания, рассуждения и формулировки заданий должны предлагаться учащимся (в некоторых случаях с отступлением от научной строгости: например, мы не разграничиваем «ситуацию», «положение дел», «событие» и «факт» и не используем термины «предикация», «полупредикативный» и «полипредикативный» при объяснении полипредикативных конструкций). При этом фактический объем научных знаний о русском языке, лингвистике и когнитивных науках, который получают учащиеся при реализации данной методики, значительно превышает тот, который обычно дается в курсе русского языка и культуры речи. Особенно полезен такой подход может быть для студентов, изучающих науки о человеке.

Методика: 10 шагов к покорению синтаксически сложных текстов

Шаг 1. Показываем на конкретном актуальном примере, что за каждым текстом стоит фрагмент действительности — более или менее объемный, более или менее сложный. Первая ступень в понимании каждого текста — реконструкция этого фрагмента действительности (участников ситуации, предметов, которые в ней задействованы, и их частей, целенаправленных действий и происходящих помимо воли человека событий, временных и пространственных отношений).

Нам потребуется: текст-инструкция, референтом которого является последовательность действий, выполняемых в определенном пространстве. Например, описание одного из упражнений на площадке для получения прав на мотоцикл (категория «А»):

Парковка мототранспортного средства и выезд с парковочного места

Кандидат в водители:

после пересечения на мототранспортном средстве линии начала выполнения упражнения останавливается в обозначенном месте так, чтобы мототранспортное средство по проекции заднего габарита пересекло линию начала выполнения упражнения, выключает двигатель и спешивается;

удерживая мототранспортное средство в равновесии, пешком, располагаясь от мототранспортного средства с удобной для него стороны, откатывает его задним ходом и устанавливает на подножку в пределах обозначенного места парковки так, чтобы оно по проекции переднего габарита пересекло линию окончания выполнения упражнения;

садится на мототранспортное средство, запускает двигатель и выезжает из парковочного места.

В начале обсуждения ставится вопрос: можно ли научиться выполнять такое упражнение, не читая регламент, а просто повторяя за инструктором? Ответ: можно. Но, во-первых, инструктор никогда не показывает упражнение молча, он комментирует свои действия и ссылается на регламент, во-вторых, если придется оспорить решение об ошибке, то обращение к тексту регламента неизбежно.

Далее выявляется и структурируется по указанным выше параметрам фрагмент действительности, репрезентируемый текстом. В нем есть

- 1) субъект, который должен выполнить ряд действий — *кандидат в водители*;
- 2) список этих действий — *пересечение, останавливается, пересекло, начало выполнения упражнения, выключает, спешивается, удерживая в равновесии, располагаясь, откатывает, устанавливает, пересекло, окончание выполнения упражнения, садится, запускает, выезжает*;
- 3) указание на порядок этих действий во времени, выраженное предлогом *после*, рядами однородных глаголов-сказуемых (с учетом их семантики), деепричастиями несовершенного вида, обозначающими одновременные с основным сказуемым действия;
- 4) пространственные отношения — структура пространства, в котором выполняются действия, и взаимное расположение действующего субъекта и предмета, с которым он работает, т. е. мотоцикла: *линия начала выполнения упражнения, линия окончания выполнения упражнения, обозначенное место = обозначенное место парковки = парковочное место, с удобной для себя стороны*;
- 5) характеристики действий = *в равновесии, пешком, задним ходом, по проекции переднего/заднего габарита*;
- 6) названия частей мотоцикла, задействованных в выполнении упражнения: *задний и передний габарит, подножка, двигатель*.

Чтобы понять этот текст, наш мозг должен, основываясь на значениях и формах слов и структуре предложений, выстроить динамическую картинку, отбросить все лишнее, «додумать» неназванное (так, здесь не сказано, как именно и за что выполняющий упражнение держит мотоцикл, откатывая его). При этом взаимодействуют наши знания об **устройстве мира** (понятно, что удобная сторона — это правая или левая, что человек, выполняющий это упражнение, уже умеет садиться на мотоцикл и спешиваться, выключать и запускать двигатель) и о **структуре языка** (деепричастия несовершенного вида *удерживая*

и *располагаясь* обозначают процессы, одновременные *откатывает*). Нужно также понимать, в каком значении использованы в данном тексте термины: например, что значит в данном случае *передний габарит* — крайняя передняя точка (колеса) мотоцикла или передняя габаритная фара (за нарушение расстояния от переднего габарита до линии «стоп» на экзамене сразу ставится оценка «не сдал»).

Следует обратить внимание учащихся на то, что такие тексты не пишутся элементарными предложениями, каждое из которых обозначает одно действие. В нашем примере в одно предложение собраны несколько названий действий, выраженных глагольными формами и отглагольными существительными типа *пересечение*, а отношения между ними организуются с помощью имеющихся в языке «технических» средств — предлогов, союзов, порядка слов.

Шаг 2. Разбираемся в себе: говорим о когнитивных способностях человека, которые необходимы для освоения сложных текстов. Здесь мы рассказываем о роли оперативной памяти в восприятии сложного текста, знакомим учащихся с понятиями «дистантная/контактная позиция» и «упреждающий синтез», показываем, что освоение сложных конструкций происходит по мере взросления человека и связано с его когнитивным развитием.

Нам потребуются: два текста, представляющие полюса синтаксической сложности, — очень простой и очень сложный.

Дошкольник умеет читать и понимать тексты простой синтаксической структуры типа *Жили были дед и баба. Была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко. Не простое яичко, а золотое. Хотел дед разбить яичко. Бил-бил — не разбил. Баба била-била — не разбила* (32 слова в 7 предложениях). На выходе из школы предполагается, что человек способен удержать и обработать в оперативной памяти сложные синтаксические конструкции «Войны и мира» Л. Н. Толстого: *В отношении дипломатическом, Наполеон призывает к себе ограбленного и оборванного капитана Яковлева, не знающего, как выбраться из Москвы, подробно излагает ему всю свою политику и все великодушие*

и, написав письмо к императору Александру, в котором он считает своим долгом сообщить своему другу и брату, что Растопчин дурно распорядился в Москве, он отправляет Яковлева в Петербург (55 слов в одном предложении).

Вопрос: может ли этот переход к совершенно иному уровню сложности произойти сам по себе? Ответ: нет, так же, как переход от таблицы умножения к извлечению интегралов, он требует обучения.

Важно показать, что дело не только в количестве слов. В «Курочке Рябе» в каждом предложении содержится сообщение об одной ситуации (положении дел) или о двух. Последовательность этих предложений соответствует «реальной» последовательности или одновременности событий. Отношения между событиями, названными отдельными предложениями или частями предложений, очень простые — только по времени, нет никаких причинно-следственных и других логических отношений. В предложении из «Войны и мира» не просто больше слов, у него гораздо более сложное смысловое устройство. Названо много событий; порядок сообщения о них не равен тому порядку, в котором они происходили (первое названное событие *Наполеон призывает к себе капитана Яковлева* произошло уже после

того, как *капитана Яковлева ограбили* и как *Растопчин плохо распорядился в Москве*); между событиями не чисто временные (диктумные), но логические (модусные) подчинительные отношения, выраженные союзными средствами — *что, как, который*. Предложение представляет собой этажную, иерархическую структуру с параллельными и последовательными связями — рис. 1.

Кроме того, в предложении из «Войны и мира» гораздо больше дистантных позиций слов, чем в «Курочке Рябе». **Дистантная позиция** — это такое расположение слов, при котором слова, связанные по смыслу, находятся не рядом, а на расстоянии друг от друга, разделены другими словами. Такую синтаксическую структуру труднее удерживать в оперативной памяти. В «Курочке Рябе» все подлежащие и сказуемые стоят либо рядом (в **контактной позиции**), либо разделены одним словом или словом с предлогом. Наш мозг сразу получает оба главных члена предложения и может построить ситуацию, о которой в нем говорится. В предложении из «Войны и мира» между *Наполеон* и *излагает* — 15 слов, что значительно превышает традиционно постулируемый объем рабочей памяти — 7 ± 2 единицы [Pollak 1953; Miller 1956]. Мы должны додержать в оперативной памяти субъект (*Наполеон*) до того момента, как нам

Рис. 1

будет сообщено о его действии (*излагает*). Если человек не приучен к чтению текстов такого типа, то, к тому времени как он получает глагол *излагает*, он уже забыл, кто это делает, и вынужден перечитать предложение заново (о влиянии рабочей памяти на восприятие текста см., например [Федорова, Потанина 2013]).

Еще один пример дистантной позиции слов, соотношенных по смыслу: между *Наполеон* и первым *он* — 31 слово, между *Наполеон* и вторым *он* — 46 слов. Чтобы восстановить действующее лицо, читатель должен удерживать в оперативной памяти словесную цепочку большой протяженности.

Полезны для студентов задания на определение дистантной и контактной позиции подлежащего и сказуемого (В каком или в каких из этих предложений подлежащее и сказуемое находятся в дистантной позиции? *Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, но я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества, все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скоропреходящих страстей, не управляло моими деяниями* (А. В. Суворов)) и на поиск аналогичных примеров.

Следующий вопрос, который мы предлагаем студентам: почему в современном мире невозможно жить, оставшись на уровне восприятия «Курочки Рябы»? Как мы только что видели, и художественный текст, и инструкция доносят до читателя представление о сложно устроенных фрагментах действительности, требующих соответствующего языкового выражения. Для чтения синтаксически сложных текстов, содержащих многословные, развернутые предложения с разнообразными подчинительными и сочинительными связями, у человека должна быть развита функция **упреждающего синтеза**.

В словесной цепи «последующие элементы... в такой же мере влияют на предшествующие, как и эти предшествующие на последующие. Создается, действительно, цельное объединение, в котором последующее звено должно быть упреждено предваряющим импульсом для того, чтобы сформировалось предшествующее. Такой синтез может быть назван упреждающим синтезом. Он характерен для всех речевых образований — слога, слова,

фразы и способов соединения фраз. <...> В предложениях *Ушел Ваня* и *Ушла Катя* родовое окончание глагола определяется вторым словом предложения. Это значит, что при отборе слов в предложение последующее, еще произнесенное звено определяет форму звена, в данный момент произносимого. В этом механизме упреждающего синтеза действуют два звена. В одном из них происходит отбор слов из полного лексикона, которым располагает данный человек. Этот отбор соответствует истинности высказывания — *Ушел Ваня, а не Катя*. Во втором звене механизма происходит укомплектование и, соответственно, согласование звеньев динамической словесной системы — *ушел Ваня, но ушла Катя*, т. е. организуется правильность сцепления звеньев сообщения. Необходимость отбора слов для составления сообщения вынуждает упреждать каждое из последующих звеньев при выдаче предшествующих. Совместная работа обоих отделов этого механизма организует синтез динамической словесной системы. В общей форме можно сказать, что отбор слов происходит из долговременной памяти, где они хранятся, а сообщение формируется в оперативной, короткой памяти» [Жинкин 1958: 38].

Еще пример. Когда русский человек начинает произносить или писать предложение *Моя старая кошка уже не ходит на улицу*, он «берет на себя обязательство» использовать слово *кошка*, а не *кот* и не *кошки* уже в тот момент, когда говорит или пишет слово *моя* в форме женского рода единственного числа, то есть раньше, чем в речевой цепи появляется слово *кошка*. Таким образом, реализуется двунаправленная связь: слово *кошка*, еще не будучи произнесенным, как бы «заказывает» формы женского рода единственного числа определений, а определения *моя* и *пожилая* в женском роде и единственном числе предсказывают, упреждают следующее за ними существительное. То же самое при построении предложений *Я болею, Мне больно, У меня болит голова, Со мною что-то не так*. Выбор формы обозначения болеющего или испытывающего боль субъекта ограничивает выбор способа называния признака, и наоборот: если *я*, то *болею*, но не **я больно, болит голова, что-то не так*, если *мне*, то *больно* или *плохо*,

но не **мне болею, болит голова, что-то не так* и т. п. Все эти примеры подтверждают формулировку Н. И. Жинкина: «Отбор слов по определенным правилам составляет сообщение. Как для слова, так и для сообщения в целом, необходимо удержание предшествующих элементов и упреждение предстоящих реализаций» [Жинкин 1958: 83]. Это знание имеет абсолютно практическое значение для студентов, которым предстоит писать рефераты, курсовые и другие письменные работы: они должны понимать, что замена одного слова или формы в русском предложении часто требует внесения соответствующих изменений в разных местах предложения, иногда на значительной дистанции от исходного исправления. Если в предложении *Врачами нашей клиники была проведена уникальная операция на сердце* заменить *была проведена* на *провели*, то «волна» от этого исправления распространится по всему предложению, причем не только направо от измененной формы, но и налево от нее: *Врачи нашей клиники провели уникальную операцию на сердце* (окончания придется поменять во всех выделенных словах, чего современные студенты, как правило, не замечают).

Упреждающий синтез формируется у человека с возрастом. Постепенно наше сознание способно охватить все больше синтаксических позиций предложения, все более сложные отношения между событиями, их участниками и обстоятельствами. Онтолингвисты отмечают не только увеличение размеров предложения в среднем с 4 слов у детей 6–7 лет до 12 слов к 17–18 годам, но и усложнение подчинительных отношений в синтаксических конструкциях (подчинительных связей становится не только больше, но они становятся все более глубокими, имеют все больше этажей) и увеличение числа дистантных позиций слов [Львов 2000].

Шаг 3. Формируем представление о том, что сложностью, как и многими другими параметрами текста, управляет **автор** в соответствии с избранной им стратегией построения текста.

На сложность текста, как и на другие его языковые параметры, влияют несколько факторов.

1. **Тема** (референтная ситуация) текста. Сложно устроенный фрагмент действительности нельзя

адекватно отразить в слишком простом тексте: дважды два четыре объективно проще, чем вычисление интеграла, овсяную кашу проще готовить, чем торт «Наполеон», соответственно тексты, описывающие эти разные по сложности фрагменты действительности, не могут быть одинаково простыми.

2. **Адресат текста.** Автор должен учитывать, для кого он предназначает свой текст, и создавать его соответственно возрасту, знанию языка, образованию и другим параметрам адресата, иначе текст не будет понят. Чиновник, который от имени государства общается с гражданами, отвечает на их письма и заявления, обязан делать это на понятном им языке. Врач должен уметь объяснить любому больному, какое лекарство, как и почему ему предстоит принимать, доступным именно для этого пациента образом.

3. **Намерения автора.** Если автор хочет дать общее или первоначальное представление о каком-то предмете или фрагменте действительности, он может написать или сказать проще, чем когда он хочет детально разъяснить устройство, принципы использования предмета, порядок действий в определенной ситуации, рассказать о разных вариантах и видоизменениях правил и т. п.

4. **Тип (жанр) текста.** Инструкция по применению медицинского препарата должна быть написана проще, чем научная статья, в которой излагаются результаты его клинических испытаний.

5. **Способ передачи информации (канал связи).** В письменном тексте можно позволить себе более длинные и разветвленные предложения, чем в устном, поскольку получатель сообщения может обрабатывать его в том темпе, в котором ему удобно, и возвращаться к любому моменту текста в любое время. В презентации текст должен быть простым и хорошо структурированным, чтобы он умещался на слайде и легко прочитывался аудиторией за время его демонстрации.

6. **Ситуация общения** — более или менее официальная. Чем менее официальна ситуация общения, тем свободнее говорящие в выборе языковых средств и тем простительнее ошибки. В официальных ситуациях общения больше значения придается и правильности речи,

и ее уместности — выполнению установленной последовательности шагов общения.

Эти параметры влияют на все три вида сложности текста — синтаксическую, лексическую и коммуникативную — и рассматриваются на примерах как текстов, соответствующих направлению подготовки студентов, так и значимых для всех направлений подготовки.

Так, на медицинском факультете для работы с лексической и синтаксической сложностью текста используются тексты законов (как минимум — «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и «Об обращении лекарственных средств»), тематические статьи из Большой российской энциклопедии, информированное согласие на медицинское вмешательство, фрагменты учебников по медико-биологическим дисциплинам плюс статьи из Семейного, Административного и Уголовного кодексов, актуальные для возраста обучаемых.

Для работы над коммуникативной сложностью берется совершенно иной тип текста — рекомендации для медицинских сестер по ведению телефонного разговора с родителями пациента, предлагаемые Научно-практическим центром специализированной медицинской помощи детям имени В. Ф. Войно-Ясенецкого Департамента здравоохранения Москвы: «1. поприветствуйте родителя пациента, обращайтесь к нему по имени-отчеству. 2. Представьте сами, сообщите, из какого учреждения вы звоните... 9. Помните о цели вашего звонка. Если в разговоре вы по какой-то причине не добились цели, не сдавайтесь сразу, дополнительно аргументируйте свою позицию. 10. Добившись цели звонка и ответив на вопросы, вежливо завершите разговор и попрощайтесь» [Бирюкова, Забродная, Щаблинин 2017].

Коммуникативная сложность текста — сложность взаимодействия между партнерами по коммуникации, обусловленная сложностью правил, которым должен следовать говорящий, чтобы достичь своей коммуникативной цели (количество и разнообразие правил, динамика их применения в общении, степень конвенциональности применяемых правил и т. п.). Телефонный диалог медсестры с родителями сложен не с синтаксической

или лексической точки зрения, а по особенностям своего коммуникативного построения (не все родители достаточно кооперативны в общении с медперсоналом, медсестра должна быть готова преодолевать сопротивление, успокаивать, общаться с людьми, плохо понимающими, что от них требуется и т. п.).

Главная идея, которую мы должны донести до студентов на этом этапе, — это базисная идея функционального подхода к языку: сложность разных типов текста обусловлена их коммуникативным предназначением.

В любой сфере деятельности человека речевая деятельность встроена в общие цели деятельности, что и определяет языковой облик текстов в этих сферах, цели и тактики говорящих. Так, наука обслуживает архетипическое стремление человека к истине, СМИ — стремление к власти над другими людьми (не обязательно внешней, это может быть власть над умами и эмоциями), лирическая поэзия — желание найти связи с высшими смыслами, поиск путей к трансцендентному. Какую общую цель обслуживают законы и другие нормативные акты? Что они дают людям, если они правильно написаны и хорошо выполняются? Прежде всего — безопасность и благополучие. Можно предположить, что безопасность и благополучие (отдельных людей, общества, государства) и являются общей целью коммуникации в этой сфере. Это касается не только тех законов и нормативных актов, которые напрямую связаны с жизнью и здоровьем людей, но и всех остальных.

Обсуждая вопрос «Просто ли в современном мире обеспечить безопасность и благополучие для всех граждан государства, у которых могут быть весьма разные интересы, желания и возможности?», студенты легко приходят к ответу. Конечно, нет, и это одна из причин неизбежной сложности законодательных документов. Здесь важно отказаться от модного сейчас увлечения идеей «простого языка» и позиционирования всех сложных текстов как заведомо плохих, неудачных, нуждающихся в исправлении. Ни к чему хорошему это не приведет — наши студенты живут здесь и сейчас, и никакой «волшебник в голубом вертолете» не принесет им кристально понятные

для них тексты нормативных актов, инструкций и т. п., которые не будут требовать никакого труда при восприятии.

Обязанность преподавателя — подготовить студента к существованию в коммуникативной реальности, а не в идеальной вселенной. Поэтому следует для каждого типа сложных текстов подробно объяснять, чем обусловлена их сложность и как ее **продуктивно** использовать для извлечения смыслов. Сложность текста законов и других нормативных актов обусловлена прежде всего требованием полноты и детальности охвата: должны быть предусмотрены все возможные ситуации и не должно быть никаких «лазеек» для желающих обойти закон. Своей сложностью закон защищает нас. Это проявляется и в статьях законов, и в толкованиях терминов, которые даются обычно перед основным текстом закона. Например: «Обращение лекарственных средств — разработка, доклинические исследования, клинические исследования, экспертиза, государственная регистрация, стандартизация и контроль качества, производство, изготовление, хранение, перевозка, ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации, реклама, отпуск, реализация, передача, применение, уничтожение лекарственных средств» (Федеральный закон № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30941>). Здесь для разъяснения того, что понимается под *обращением лекарственных средств* использовано 19 названий действий и процессов, и каждое из них значимо.

Кроме того, сложность текста законов и нормативных актов обусловлена необходимостью системного представления участка действительности, который в них описан, разграничения разного и объединения одинакового. Например: *Терапевтическая эквивалентность лекарственных препаратов — достижение клинически сопоставимых терапевтического эффекта и показателей эффективности и безопасности при применении лекарственных препаратов для медицинского применения, имеющих одно международное непатентованное (или химическое, или группировочное) наименование, в эквивалентных дозировках по одним и тем же показаниям к применению и при*

одинаковом способе введения у одной и той же группы больных. Кажется, что в этом фрагменте авторы закона допустили тавтологию — **применение лекарственных препаратов для медицинского применения**. Однако второе слово *применение* является частью составного термина, обозначающего один из двух типов лекарственных препаратов, которым посвящен закон. Для данного закона важно разграничивать лекарственные препараты для медицинского применения и лекарственные препараты для ветеринарного применения. Эти виды препаратов должны обозначаться одинаково за исключением одного прилагательного: *медицинский* или *ветеринарный*. Также надо обратить внимание на разные способы выражения разной степени эквивалентности в этом фрагменте: *клинически сопоставимый — эквивалентный — один и тот же — одинаковый*. И, разумеется, авторы закона должны были перечислить все параметры, которые учитываются при определении терапевтической эквивалентности лекарственных препаратов. Сокращения, умолчания и опущения здесь неуместны.

Такая тактика «примирения» со сложными текстами, основанная на понимании их коммуникативного предназначения, помогает излечить студентов от болезни «избегания трудностей» и тщетной надежды, что у них получится повзрослеть и состояться в этом мире, питая себя только презентациями, краткими изложениями и упрощенными пересказами («Время чтения — 3 минуты»).

Промежуточные выводы

Общая направленность работы со сложными текстами на занятиях по русскому языку и культуре речи состоит

- а) в аргументированном убеждении студентов в неизбежности освоения этих текстов для успешной учебной, рабочей, общественной и личной коммуникации, для самореализации в современном мире;
- б) в демонстрации того, что сложность текста может быть синтаксической, лексической и коммуникативной и иметь разные причины возникновения, но для каждого вида

- сложности есть конкретные приемы ее преодоления;
- в) в постоянном внимании к когнитивным механизмам восприятия сложных текстов;
 - г) в неспешном, тщательном анализе актуальных текстовых примеров, который помимо практического имеет и психологическое значение, позволяя студентам избавиться от стратегии избегания по отношению к сложным текстам;
 - в) в учете возрастного фактора и связанных с ним изменений в круге актуальных для речевой практики студентов текстов.

Сложность текста должна рассматриваться не в диаде «текст — воспринимающий его субъект», а с точки зрения всех компонентов речевого акта (по модели Р. О. Якобсона). Продемонстрированные нами в первой части статьи методические шаги позволяют показать все факторы, влияющие на сложность текста (значение авторской интенции будет более подробно рассмотрено во второй части) и акцентировать тот факт, что сложность текста — это всегда в конечном итоге сложность реконструкции стоящего за ним фрагмента действительности. В то же время важно учесть, что сложность текста является понятием субъективным не только по той очевидной причине, что носители языка владеют им на разном уровне (объем лексикона, умение «распутывать» сложные синтаксические структуры и т. п.), но и потому, что они имеют разную способность диагностировать сложность текста и сложности в тексте. Субъект может неправильно понять текст и восстановить стоящий за ним фрагмент действительности не потому, что текст ощущается им как сложный, а по противоположной причине — потому что «он не понимает, что он не понимает» (воспринимает реально сложный текст как простой, неоправданно считает, что знает все составляющие его слова и т. п.). И то, и другое требует систематической коррекции на языковых дисциплинах. Дальнейшие шаги к этому будут освещены во второй части статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюкова, Забродная, Щаблинин 2017 — Бирюкова Е. В., Забродная А. В., Щаблинин О. В. *Вербальный этикет, этика и деонтология в практике медицинской сестры*. М., 2017. URL: <https://mos-medsestra.ru/doc/240417-2.pdf?ysclid=llcanfomva57027710> (дата обращения: 05.11.2024).
- Жинкин 1958 — Жинкин Н. И. *Механизмы речи*. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 370 с.
- Львов 2000 — Львов М. Р. *Основы теории речи*. М.: Academia, 2000. 245 с.
- Серегин 2012 — Серегин Г. М. Постановка вопроса как одно из средств углубления понимания учебного материала. *Science for Education Today*. 2012, 7 (3): 65–72.
- Сидорова 2024 — Сидорова М. Ю. *Трудных текстов больше нет*. М., 2024. (в печати)
- Федорова, Потанина 2013 — Федорова О. В., Потанина Ю. Д. Рабочая память и язык: от речепонимания к речепорождению. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2013, (1): 51–60.
- Miller 1956 — Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*. 1956, 63 (2): 81–97.
- Pollack 1953 — Pollack I. Assimilation of sequentially encoded information. *The American Journal of Psychology*. 1953, 66 (3): 421–435.

REFERENCES

- Бирюкова, Забродная, Щаблинин 2017 — Biriukova E. V., Zabrodnaia A. V., Shchablinin O. V. *Verbal etiquette, ethics and deontology in the practice of a nurse*. Moscow, 2017. Available at: <https://mos-medsestra.ru/doc/240417-2.pdf?ysclid=llcanfomva57027710> (accessed: 05.11.2024). (In Russian)
- Жинкин 1958 — Zhinkin N. I. *Speech mechanisms*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1958. 370 p. (In Russian)
- Львов 2000 — L'vov M. R. *Basics of speech theory*. Moscow: Academia Publ., 2000. 245 p. (In Russian)
- Серегин 2012 — Seregin G. M. Posing a question as one of the means of deepening the understanding of educational material. *Science for Education Today*. 2012, 7 (3): 65–72. (In Russian)
- Сидорова 2024 — Sidorova M. Yu. *No more difficult texts*. Moscow, 2024. (in press). (In Russian)
- Федорова, Потанина 2013 — Fedorova O. V., Potanina Yu. D. Working memory and language: From speech understanding to speech production. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2013, (1): 51–60. (In Russian)
- Miller 1956 — Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information. *Psychological Review*. 1956, 63 (2): 81–97.
- Pollack 1953 — Pollack I. Assimilation of sequentially encoded information. *The American Journal of Psychology*. 1953, 66 (3): 421–435.